

УДК 159.922.1

Г.В. Лагонда

БРАК КАК ФОРМА ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Основная задача, которую решает автор статьи, – это составление перечня брачных потребностей человека. Для обоснования своей точки зрения он отталкивается от идеи о том, что супружество является разновидностью гендерных отношений. По мнению автора, гендерные отношения человека в целом и брачные в частности обеспечиваются специфической функциональной системой – сексуальностью. В статье рассматриваются прокреативная, рекреативная, коммуникативная и символическая функции сексуальности. Доказывается их связь с брачными потребностями. В качестве последних выделяются семь потребностей: в реализации сексуального влечения, в продолжении рода, в подтверждении уникальности партнёром по браку, в любви, в самоактуализации, в присоединении и в материальном благополучии. Анализируется также степень их матримониальной специфичности.

Введение

Разрабатывая психологическую теорию брака, мы отталкиваемся от нескольких тезисов, как правило, не вызывающих возражений. Во-первых, брак является формой межличностных взаимоотношений, то есть разновидностью психологической связи между людьми. Во-вторых, поскольку в основе любых форм отношений лежат потребности, постольку сущностью психологической связи между супругами (основным объединяющим их фактором) логично считать брачные потребности. И, в-третьих, в сознании партнёров по браку их матримониальные потребности конкретизируются в виде супружеских экспектаций [1]. Именно, партнёрские ожидания, на наш взгляд, обладают существенным эвристическим потенциалом для описания и объяснения большинства событий, имеющих место во взаимоотношениях супругов.

Однако, для того, чтобы приступить к детальному изучению психологической сущности брачных экспектаций, необходимо решить задачу по обоснованному составлению перечня матримониальных потребностей. Специалисты, работающие в проблемном поле психологии семейных отношений, по-разному решают эту задачу. Выделяемые ими потребности варьируют как по сути, так и по количеству. В некоторых случаях побуждающие интенции ставятся в зависимость от половой принадлежности человека. Несмотря на всю привлекательность обнаруженных нами в литературе теоретических конструкций, все они страдают общим изъяном – отсутствием доказательного обоснования заявленной позиции. В лучшем случае исследователь ссылается на свой клинический опыт.

С нашей точки зрения, формирование обоснованного списка брачных потребностей возможно лишь при выявлении сущностного признака супружеских отношений, то есть такого признака, который в основном предопределяет их специфику. В этом смысле супружество однозначно следует считать формой гендерных отношений. Ведь первый и основной признак, от которого отталкивается человек, создавая брак, – это половая/гендерная принадлежность партнёра, которая в свою очередь детерминируется собственной половой/гендерной принадлежностью.

Роль и значение сексуальности в организации гендерных отношений

Несомненно, гендерная составляющая присутствует в любых форматах межличностных взаимоотношений. В. Сатир отмечает: «Весь наш мир состоит из

мужчин и женщин. И роли, имеющие наибольшее психологическое значение, это те, которые соотносятся с полом исполняющих их людей... Мужчины и женщины имеют также ряд ролей, которые не связаны с половой принадлежностью, такие, как чей-то босс, чей-то учитель. Но обычно половая принадлежность этого босса или этого учителя передаёт особый смысл, основанный на пережитом опыте взаимоотношений, носящем сексуальную окраску» [2, с. 86]. «Гендер оказывается квазиролью, которая пронизывает все остальные спецификации, является базовой (идентичностью, если говорить другими словами), на которую нанизываются все другие», – утверждают Е. Здравомыслов и А. Тёмкина [3, с. 167]. В свою очередь Ш. Берн обращает внимание на тот факт, что гендерные когнитивные схемы оказываются самыми востребованными сознанием человека [4]. Таким образом, гендерные отношения буквально пронизывают всю жизнь человека.

В то же время нельзя не отметить, что в жизни этой есть аспекты, в которых гендерная составляющая отношений становится главенствующей. Делая такое утверждение, мы возвращаемся к проблематике супружества. Именно брак является средоточием (эпицентром) гендерных отношений, можно сказать, основной их формой. Данный тезис лишь на первый взгляд кажется малоинформативным. Для нас он представляет особую ценность, поскольку открывает возможность обсуждения темы сексуальности. Её значимость для формирования супружеских отношений отмечали многие исследователи (Д.Л. Буртянский, Г.С. Васильченко, К. Имелинский, Г.Ф. Келли, С. Кратохвил, И.С. Кон, А.М. Свядош, З. Шнабль и др.). Надо сказать, что, исследуя тематику брака, мы столкнулись с довольно неожиданной тенденцией. Во многих случаях в трудах сексологов она представлена более мощно, нежели в работах психологов, занимающихся проблематикой семьи.

В частности, З. Шнабль категорично утверждал, что сексуальность ориентирована на брак [5]. Г.С. Васильченко в разработанной им периодизации сексуального развития этапы становления сексуальности взрослого человека связывает с последовательностью решаемых индивидом жизненных задач. Все они замыкаются непосредственно на супружестве. Выбор брачного партнёра, создание супружеских, а затем и семейных отношений; их поддержание и развитие; нахождение в них резервов для противостояния инволюционным изменениям, происходящим в организме, – вот перечень тех жизненных задач, которые взрослый должен решать «с помощью» сексуальности по мере перехода из одной возрастной группы в другую [6]. Схожие идеи мы находим и в разработанной Э. Эриксоном эпигенетической матрицы психического развития человека [7]. Учитывая специфику периодизаций, создаваемых в духе психоаналитической школы, здесь также уместно говорить о психосексуальном развитии.

Подобная трактовка одной из сторон онтогенеза человека свидетельствует о том, что сексуальность его рассматривается исследователями не только в связи с возможностью осуществления интимной близости. Ей придаётся весомое значение и в реализации других потребностей, которые ассоциируются в первую очередь с супружеством. Для того чтобы выявить происхождение данных ассоциаций, необходимо остановиться на сущности сексуальности и её функциях.

Если говорить о сущности, то под сексуальностью мы понимаем функциональную систему анатомо-физиологических и психологических особенностей индивида, определяющую возможности и особенности его гендерных отношений. Другими словами, осуществление любых форм гендерных отношений требует задействования определённых резервов (элементов и свойств) организма и психики.

Состав этих элементов и свойств варьирует в зависимости от задачи, на решение которой направлен соответствующий поведенческий акт. При поцелуе набор задействованных элементов будет одним, при отстаивании феминисткой прав женщин во время митинга – другим. Таким образом, сексуальность можно и должно рассматривать именно как функциональную систему. И её основная функция – организация гендерных отношений человека. В свою очередь супружество является средоточием этих отношений, а значит, сексуальность действительно ориентирована на брак.

Упомянутая функция сексуальности имеет несколько граней-подфункций. Принято считать, что до появления на Земле вида *Homo Sapiens* их было две. Причём находились они в нераздельном единстве. Это подфункции прокреации (продолжения рода) и рекреации (отдыха, расслабления и получения удовольствия). Благодаря наличию сознания, человек преобразовал этот установленный природой порядок. Во-первых, создав контрацептивы, а затем и институты усыновления и суррогатного материнства, он разделил данные подфункции. Получение удовольствия стало возможным и без последующего деторождения. Возможной стала (как это ни парадоксально) и обратная ситуация. Во-вторых, сексуальность начала выполнять коммуникативную функцию. При этом осуществление коммуникативной функции сексуальности сопряжено с использованием как вербальных, так и невербальных средств. В одних случаях супруги отдают предпочтение словам, в других неоспоримые преимущества оказываются «в распоряжении» у невербальных средств. Даже если сузить представления о сексуальности до рамок половой близости, следует признать, что каждое любовное соитие несёт в себе коммуникативную нагрузку. Оно «поставляет» партнёрам информацию о тех чувствах, которые они испытывают по отношению друг к другу. Чтобы лишний раз убедиться в этом, достаточно внимательно под данным углом зрения проанализировать сексуальные похождения Гумберта-Гумберта, главного героя в романе В. Набокова «Лолита».

На наш взгляд, сексуальность человека выполняет ещё одну подфункцию – символическую [8]. По настоящее время она остаётся понятийно и терминологически слабо отрефлексированной, хотя косвенные признания её существования можно найти во многих источниках. К примеру, психоаналитические тексты буквально «пропитаны» мыслью о ней. О том, что многие проявления сексуальности человека имеют для него символическое значение, свидетельствуют и многочисленные клинические случаи, сам факт многочисленности которых говорит о типичности явления. Врачи-сексологи часто ставят мужчинам-пациентам диагноз «невроз ожидания неудачи». Генезис расстройства таков. Мужчина воспринимает физиологические реакции, позволяющие осуществлять сексуальную близость как символ мужественности. Соответственно сексуальное фиаско расценивается им как утрата этой самой мужественности. Отсюда депрессия, боязнь снова испытать, с его точки зрения, унижение и избегание близости с партнёршей. «Какой же я мужчина, если бессилён в постели», – вот литературный перевод наиболее типичного высказывания мужчин в такой ситуации. В свою очередь у пациенток женственность чаще всего находит символическое воплощение в форме чувственности.

Подводя итог рассуждениям о сексуальности, мы констатируем наличие четырёх её функций: рекреативной, прокреативной, коммуникативной и символической. Под функциями же традиционно понимаются сферы жизнедеятельности, связанные с удовлетворением определённых потребностей. Таким образом, мы приходим к нескольким промежуточным выводам:

1. Брак, будучи средоточием гендерных отношений, позволяет оптимальным образом реализовывать функции сексуальности.
2. Поскольку функции детерминируются потребностями, изучение функций сексуальности позволяет осознать стоящие за ними потребности.
3. Учитывая суть двух предыдущих выводов, искомые потребности правомерно определить как брачные (супружеские, матримониальные).

Взаимосвязь функций сексуальности и брачных потребностей

Следует заметить, что схема «одна функция – одна потребность» чересчур примитивна и лишь приблизительно соответствует реальности. На самом деле каждая функция сексуальности в той или иной мере способствует реализации нескольких брачных (и не только) потребностей. К примеру, коммуникативная функция в определённой степени «обслуживает» каждую из супружеских потребностей. И это не вызывает удивления, поскольку общение (по определению) является способом реализации любых форм актуальных отношений. В то же время можно проследить наличие специфических связей между большинством функций сексуальности и рядом брачных потребностей.

Потребность в реализации сексуального влечения является, пожалуй, наиболее характерной для матримониальных отношений. Если проанализировать те определения супружества, которые предлагают социологи и социальные психологи, то приходится признать, что брак регламентирует именно отношения сексуальной близости между людьми. Конечно, добрачные и внебрачные сексуальные связи были и будут всегда. Всегда будут и люди, предпочитающие холостой образ жизни. Однако устойчивые супружески отношения (особенно основанные на эмоциональной близости и доверии) представляют более комфортные условия для реализации человеком сексуального влечения. Соответственно, положение о том, что потребность в реализации сексуального влечения обеспечивается рекреативной функцией сексуальности, и что данная интенция правомерно может считаться брачной потребностью, едва ли требует тщательного обоснования. Поэтому перейдём к обсуждению следующих парных категорий.

Потребность в продолжении рода обеспечивается прокреативной функцией сексуальности. Естественно, что и данная функция, и данная потребность, могут быть реализованы за пределами брака. Однако, как и в случае с потребностью в реализации сексуального влечения, рождение ребёнка в условиях устойчивых моногамных, основанных на эмоциональном предпочтении отношений выглядит для большинства людей заманчиво. Более того, предпочтительным оказывается именно традиционный, юридически оформленный брак. Многие исследователи (Т.В. Андреева, М. Вислоцкая, И.С. Кон, З. Шнабль, Л.Б. Шнейдер) отмечают, что с появлением детей большинство матерей начинают в вопросах организации семейной жизни придерживаться более консервативных взглядов. Если до этого они были приверженцами одной из альтернативных форм супружества, то после рождения ребёнка вариантом выбора становится традиционный брак. Если обратиться к существующим в гуманитарных науках определениям брака и семьи, то значение брака для реализации прокреативной функции сексуальности становится ещё более рельефной. Брак неизменно рассматривается в качестве основы, на которой создаются семейные отношения. Семья, в свою очередь, описывается как продолжение супружества. При этом семейная система возникает тогда, когда у супругов рождаются дети и они (супруги) начинают осваивать родительские роли. Человечество неоднократно пыталось найти альтернативу семейной

модели социализации детей. Достаточно вспомнить примеры Древней Спарты или возникавших на заре становления Советского государства идей упразднения семьи. Эти и другие попытки создания альтернативной семье системы воспитания непременно закончились неудачно. Поэтому включение потребности в продолжении рода в список брачных потребностей вряд ли нуждается в дальнейших доказательствах.

Потребность в подтверждении уникальности партнёром по браку обеспечивается, с нашей точки зрения, символической функцией сексуальности. Данное положение нуждается, пожалуй, в самом тщательном обосновании, поскольку и сама потребность, и «стоящая за ней» функция не столь очевидны как две предыдущие диады. По сути дела, возникает необходимость в доказательстве двух положений: правомерности выделения самой потребности и выявления связей между ней, символической функцией сексуальности и браком.

Несмотря на многочисленность авторов, утверждающих, что функционирование супружества сводится к взаимному удовлетворению партнёрами брачных потребностей друг друга, обсуждаемую потребность выделяют в качестве матримониальной лишь немногие. Пожалуй, наиболее созвучной нашим воззрениям оказывается позиция В. Сатир, которая считает стремление человека повысить свою самооценку основной «движущей силой», побуждающей его вступать в брак. «На основе наблюдений, – пишет она, – я могу заявить, что сексуальный мотив является второстепенным, он подчинён основному мотиву – мотиву повышения самооценки и защиты её от угрозы» [2, с. 97].

Наши представления о потребности в подтверждении собственной уникальности и о её высокой субъективной значимости в браке для многих партнёров сложились в результате изучения феномена супружеской измены [9]. Общепринятым считается мнение, согласно которому ставится знак равенства между супружеской изменой и адюльтером. Однако здесь требуется небольшое уточнение. Переживания предательства возникают у обманутого супруга не тогда, когда произошла внебрачная сексуальная связь, а тогда, когда о ней стало известно супругу. Объяснение этому факту может быть лишь одно. Моногамия современного брака имеет для партнёров символическое значение. В их сознании супружество прочно ассоциируется с исключительным правом на сексуальные контакты с мужем (женой). Недаром супруги друг о друге говорят: «мой избранник», «моя избранница». Соответственно и сама половая близость воспринимается ими как подтверждение собственной неповторимости, символизирует её. Именно брак с его избирательным характером является тем форматом отношений, где легче всего реализовать данную интенцию. Поэтому переживания измены и предательства возникают у человека не тогда, когда партнёр по браку вступает во внебрачную сексуальную связь, а тогда, когда первому становится об этом известно. Осознание наличия такой связи приводит к ущемлению чувства уникальности своего Я. Адюльтер, когда он оказывается представленным в сознании пострадавшего партнёра, воспринимается им как наличие ещё одного «избранника» и потому наносит удар переживанию собственной неповторимости.

Потребность в любви является, пожалуй, самой сложной для научной интерпретации. Несмотря на существование большого количества психологических теорий любви, ни одна из них не способна дать исследуемому феномену исчерпывающего описания и объяснения. Анализ многочисленной психологической и философской литературы убеждает нас в том, что по настоящее время психология находится на допонятийном этапе осмысления любви. Тем не менее, при исследовании матримониальных отношений обойти вниманием данную тему не представляется

возможным. Удовлетворение данной потребности в определённой степени также обеспечивается сексуальностью. Как правило, в сознании человека любовь, брак и сексуальные отношения если и не отождествляются, то оказываются соединены настолько, что не мыслятся одно без другого. Достаточно вспомнить, что высказывание «заниматься любовью» в обыденном понимании подразумевает именно сексуальную близость. Сталкиваясь с ситуациями, где один из феноменов оказывается вне связи с двумя другими, люди склонны рассматривать такое положение вещей, скорее, как аномальное. Это вполне понятно, ведь интимная близость благодаря брачному партнёру позволяет пережить человеку массу положительных эмоций, почувствовать себя искренне любимым. Обеспечиваются подобные эмоции рекреативной, коммуникативной и символической функциями сексуальности.

Рекреативная функция сопряжена в основном с анатомо-физиологическим компонентом сексуальности. В этом плане специфика любовных переживаний заключается в том, что в кровь человека выбрасываются «дополнительные» порции целого ряда биологически активных веществ: фенилэтиламина (ФЭА), эндорфинов, тестостерона, окситоцина и некоторых других [3]. Тестостерон способствует эскалации либидо, окситоцин делает более чувствительными нервные окончания и повышает сократимость мышц, ФЭА обладает возбуждающим действием, а эндорфины – это вырабатываемые самим организмом наркотические вещества, обеспечивающие ощущения безопасности, мира и покоя. Следует при этом заметить, что здесь представлены лишь наиболее значимые физиологические реакции, сопровождающие чувство любви. Полная картина изменений, происходящих в организме, много сложнее.

Символическая функция сексуальности оказывается тесно связанной с рекреацией. Проявляется она прежде всего в отношении к обнаженности. Известно, что последняя символизирует доверие. Обнажённость является своеобразным телесным аналогом самораскрытия. Если самораскрытие открывает доступ к самым сокровенным переживаниям человека, то нагота представляет собой символический ключ к телу, к его интимным тайнам. И то, и другое чревато злоупотреблением и душевной болью, а потому возможно лишь при наличии эмоциональной близости и доверия в отношениях.

Если говорить о коммуникативной функции сексуальности, то необходимо отметить, что каждое любовное соитие несёт в себе коммуникативную нагрузку. Оно, помимо всего прочего, является сообщением. Сообщением о тех чувствах, которые партнёры испытывают друг к другу. Эта информация закодирована во взгляде, поцелуях, прикосновениях, их однообразии или разнообразии, желании доставить партнёру физическое удовольствие и т.д. Соответственно, близость может «говорить» и о любви, и о простой симпатии, и о пренебрежении партнёром. Учитывая, что апогеем сексуальной близости являются оргастические переживания, нельзя не согласиться, что для признания в любви «язык тела» обладает несоизмеримо большими экспрессивными возможностями по сравнению с «языком слов». Во многом именно благодаря своей коммуникативной подоплёке сексуальная близость воспринимается индивидом в качестве неотъемлемой части той любви, которую он надеется обрести в браке.

Дальнейшее «пополнение» списка супружеских потребностей предопределено их связью с уже выделенными позициями. При этом мы ясно осознаём, что по мере утраты связи с сексуальностью, фиксируемые нами (в качестве брачных) потребности становятся всё менее и менее специфичными для супружеских отношений. Удовлетворение таких потребностей возможно в равной степени и в рамках иных (нежели гендерные) отношениях. В частности, согласно мнению Э. Фромма [10],

прообразом той любви, которую взрослый человек надеется обрести в браке, является материнская любовь. Он обладал ею в детстве и утратил по мере взросления. Если взять данное утверждение за основу, то потребность в любви перестаёт быть явлением, характерным исключительно для гендерных межличностных отношений.

Потребность в самоактуализации, не являясь строго специфичной для супружества, в то же время имеет для него и для семьи крайне важное значение. Её выделение в качестве брачной потребности предопределяется тремя тематическими линиями рассуждений: темой сексуальности, темой развития личности и её отношений с близкими людьми, а также темой любви.

Первая из них, как мы уже отмечали, по мере пополнения списка брачных потребностей постепенно теряет свою эвристическую ценность. Здесь она подходит к своему завершению указанием на труды психоаналитиков. Они, по сути дела, отождествляют процесс психического развития человека с процессом развития его сексуальности. Критериальная же оценка психосексуального развития взрослого индивида осуществляется на основании анализа успешности построения им зрелых генитальных (в первую очередь супружеских) отношений. Подобные же идеи высказываются представителями современной медицинской сексологии. Таким образом, заканчивая одну линию рассуждений, мы получаем основания для инициации другой. Имеется в виду тема взаимосвязи супружества с развитием партнёров по браку.

Практически все авторы, чьи научные интересы связаны с проблематикой брака и семьи, констатируют наличие таковой связи. Однако их представления о том, что следует понимать под развитием, существенно отличаются. Отличается разнообразием и сама терминология. Развитие, психическое развитие, личностное развитие, личностный рост, рост, становление человека, саморазвитие, индивидуация, самореализация, самоактуализация – вот далеко не полный перечень тех терминов, которые используются в современной психологии для обозначения примерно одной и той же реальности (судя по авторским разъяснениям, если таковые присутствуют).

Наиболее соответствующим идее нашего исследования представляется понятие «самоактуализация» в трактовке, предложенной А. Маслоу. Причин тому несколько. Во-первых, несмотря на то, что термин был введён в психологию К. Гольдштейном, именно предложенная А. Маслоу интерпретация считается в настоящее время классической. Будучи выполнена в определенной научной парадигме – личностно-ориентированном варианте гуманистической психологии – она постепенно приобрела статус общепризнанной. Во-вторых, А. Маслоу разрабатывал это понятие в трёх направлениях: в смысле процесса развертывания заложенных в человеке задатков; в смысле состояния, как результата этого процесса; и, наконец, в смысле потребности, венчающей иерархическую пирамиду мотивационно-потребностной сферы человека. В-третьих, представления А. Маслоу об уровнях потребностей человека напрямую касаются темы любви и брака. Ведь стремясь к самоактуализации, человек неизбежно проявляет любовь к партнёру по отношениям. Благодаря данной особенности потребность в самоактуализации занимает особое место в группе брачных потребностей. Ведь она подразумевает создание условий не только для реализации собственных возможностей, но и для развёртывания потенциала партнёра по браку. Однако это уже не проявление эгоизма, а акт дарения. И не просто акт дарения, а проявление любви. В своё время Э. Берн очень точно высказался по этому поводу: «Если брак основан на любви, его ограничения принимаются охотно и даже с удовольствием» [11, с. 84].

Потребность в присоединении, хотя и не является строго специфичной для супружества, наиболее полно может реализоваться именно в данной форме отношений. И сопряжено это, опять-таки, с феноменом любви. Удовлетворение потребности в присоединении позволяет человеку смягчить переживания экзистенциального одиночества. Обратной стороной медали становится частичная утрата своей самобытности и свободы. Это почти неизбежное следствие ассимиляции групповых ценностей и норм. Ставка на автономию и независимость, на индивидуальную значимость и неповторимость в свою очередь позволяет человеку почувствовать себя полномасштабным творцом собственной жизни. Однако переживания одиночества в связи с этим усиливаются многократно. Следствием такого противоречия становятся душевные метания, при которых любой выбор заставляет сожалеть о нереализованных интенциях отвергнутой стороны.

Пожалуй, единственный путь примирить потребность в присоединении со стремлением к индивидуализации (во всяком случае с той его частью, которая касается личностной значимости и самобытности) связан с феноменом любви и сформированном на её основе супружестве. Парадоксальным образом любовь позволяет сочетать, казалось бы, несочетаемое. С одной стороны, она подразумевает доверительную связь, а следовательно, и значительные ограничения в организации собственной жизни каждого из супругов. С другой же стороны – у них появляются новые возможности для того, чтобы почувствовать себя творцами и себя, и своей жизни, и отношений.

Направление, в котором следует искать ответ на вопрос о том, почему возможен подобный парадокс, указывает Э. Эриксон. Анализируя психологические особенности юношеского возраста, он отмечал: «В значительной степени юношеская любовь – это попытка добиться собственной идентичности, проецируя расплывчатый образ собственного эго на другого и наблюдая его уже отражённым и постепенно проясняющимся. Вот почему так много в юношеской любви разговоров» [7, с. 367]. Иными словами, при возникновении близких доверительных отношений между двумя любящими людьми возникают границы нового качества – границы диады, которые способствуют самоутверждению Я посредством самораскрытия. Два человека становятся более «прозрачными» друг для друга. На основе этого возникает общность «Мы», которая предполагает максимальную психологическую близость с максимальной доверительностью в общении. При этом интимный характер близости обеспечивает сохранение и поддержание индивидуальности каждого из этих двоих.

Таким образом, современный брак, в который самым непосредственным образом вплетены интимные свойства любви, предоставляет супругам исключительную возможность реализовать стремление к присоединению, не утратив при этом своей самобытности. Более (или менее) осознанно люди понимают (интуитивно чувствуют) эту возможность. Данная реальность позволяет нам отнести потребность в присоединении к категории брачных потребностей.

Потребность в материальном благополучии в настоящее время является, пожалуй, наименее специфичной для matrimониальных отношений. Если же обратиться к историческим данным, то следует признать, что вопросы собственности, наследования, материальной выгоды и финансового благополучия на протяжении тысячелетий оставались краеугольным камнем супружеских отношений. Брак являлся формой имущественной и статусной сделки между семьями, в которой меньше всего учитывались потребности и предпочтения будущих супругов.

На современном этапе развития общества, несмотря на существенные изменения в организации брачных и семейных отношений, материальный фактор продолжает играть в них существенную роль. Это осознают и сами супруги, и представители органов государственного управления. Последние активно используют экономические рычаги для того, чтобы повысить привлекательность официально зарегистрированного супружества. Здесь в равной степени практикуются и положительные, и отрицательные подкрепления. Налоговые послабления, льготные кредиты, льготы при распределении из вуза, преференции при строительстве жилья – это примеры преимуществ, которые есть у молодых супругов и которыми не обладают люди, не оформившие официально своих отношений. В свою очередь у не состоящих в браке молодых людей возникают дополнительные трудности при попытках выехать за границу. Подобными мерами государство стимулирует побуждения человека рассматривать супружество сквозь призму своих финансовых и имущественных интересов.

О том, что брак сохраняет для современного человека свой статус источника материального благополучия, говорят многие исследователи. Н. Аккерман, А.Н. Елизаров, К. Кикпатрик, С.В. Ковалёв, Р. Коллинз, Г. Навайтис, В. Сатир, В.А. Сысенко, Э.Г. Эйдемиллер указывают в своих работах на соответствующую брачную (либо семейную) потребность. Она же зафиксирована и в большинстве представленных в психологической литературе определений семьи. В них, как правило, отмечается два значимых для нашего исследования факта: 1) семья основана на супружестве; 2) семья в числе прочего ориентирована на выполнение материально-бытовых и хозяйственных функций. Исходя из представленных соображений, мы вполне обоснованно можем отнести потребность в материальном благополучии к категории брачных потребностей.

Заключение

Определяя сущностный признак, отличающий брак от иных форм межличностных отношений, мы пришли к выводу, что им является гендерная принадлежность партнёров. Соответственно мы рассматриваем брак как форму межличностных гендерных взаимоотношений, обладающую свойствами системы и являющуюся способом удовлетворения определенной группы (брачных) потребностей. Учитывая гендерный характер матримониальных отношений, для выявления перечня супружеских потребностей мы посчитали логичным обратиться к исследованиям сексуальности человека. Её, по нашему мнению, правомерно рассматривать как функциональную систему анатомо-физиологических и психологических особенностей индивида, определяющую возможности и особенности его гендерных отношений. Таким образом, сексуальность, включающая телесный и психологический компоненты, предопределяет характер гендерных отношений индивида. Брак же является средоточием отношений данного типа.

Основная функция сексуальности может быть разделена (достаточно условно) на ряд составляющих: рекреативную, прокреативную, символическую и коммуникативную. Учитывая, что любая функция представляет собой сферу жизнедеятельности, связанную с удовлетворением определённой потребности, у нас появляются основания для анализа тех потребностей, которые позволяет реализовать та или иная подфункция сексуальности. Поскольку же сексуальность прежде всего ориентирована на брак, постольку можно утверждать, что выявленные потребности могут быть отнесены к категории супружеских.

Логика теоретических рассуждений привела нас к пониманию некоторой упрощённости схемы «одна функция – одна потребность». Как следствие, были выделены семь брачных потребностей: в реализации сексуального влечения, в продолжении рода, в подтверждении уникальности партнёром по браку, в любви, в самоактуализации, в присоединении и в материальном благополучии. Они характеризуются разной степенью матримониальной специфичности. Связь потребности в продолжении рода с прокреативной функцией сексуальности носит наиболее явный характер. Сопряжённость потребности в материальном благополучии с гендерными отношениями в современном обществе не столь очевидна. Однако данный аспект брака вряд ли стоит игнорировать при его исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лагонда, Г.В. К проблеме создания психологической теории брака / Г.В. Лагонда // Психологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 72–81.
2. Сатир, В. Психотерапия семьи / В. Сатир. – СПб. : «Речь», 2001. – 283 с.
3. Введение в гендерные исследования : учеб. пособие, ч. 1 / Под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков : ХЦГИ, 2001 ; СПб. : Алтейя, 2001. – 708 с.
4. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – СПб. : «Прайм-ЕВРО-ЗНАК», 2001. – 318 с.
5. Узы брака, узы свободы. Проблемы семьи и одиночества глазами учёных: сб. ст. / Сост. Т. Разумовская. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 222 с.
6. Сексопатология: справочник / Под ред. Г.С. Васильченко. – М. : «Медицина», 1990. – 575 с.
7. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб. : ЛенАТО АСТ фонд «Университетская книга», 1996. – 590 с.
8. Лагонда, Г.В. Сексуальность и брак: грани интимных отношений / Г.В. Лагонда // Веснік Брэсцкага ўн-та. Сер. гуманітарных і грамадскіх навук. – 2008. – № 1(32). – С. 84–89.
9. Лагонда, Г.В. Экспектационный подход к психологическому анализу супружеской измены / Г.В. Лагонда // Философия и социальные науки. – 2010. – № 3. – С. 31–34.
10. Фромм, Э. Искусство любви: исследование природы любви / Э. Фромм. – М. : Знание, 1990. – 157 с.
11. Берн, Э. Секс в человеческой любви. Анализ эго-состояний личности в сексуальных отношениях людей / Э. Берн. – М. : РИПОЛ-КЛАССИК, 2002. – 320 с.

Lagonda G.V. A Marriage as a Form of Gender Relations

The author of the article works out the problem of composition of matrimonial needs enumeration. For the basing of his own point of view he exploits the idea that a conjugality is kind of gender relations. From the author opinion a sexuality is such functional system that assures both a gender relations in all and a marriage relations in particular. The author describes procreative, recreative, communicative and symbolical functions of sexuality. He proves their connections with matrimonial needs. He chooses seven such needs: in a realization of sexual bent, in a continuation of genus, in a confirmation of own inimitability by a marriage partner, in love, in affiliation and in a material welfare. He also analyses a degree of matrimonial specificity of given needs.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.03.2011